

Присев на корточки посреди двора, Гу Янь запустил «Технику Возрождения Тысячи Деревьев».

Густая древесная цзи уровня Золотого Ядра хлынула наружу, в мгновение ока заполнив всё пространство. Разделившись на четыре бурлящих потока, духовная энергия устремилась к грядкам и опустилась подле четырех духовных растений, позволяя им жадно, захлёбываясь, впитывать животворный поток.

Насыщение длилось около двух благовоний. К тому моменту, как внутренние резервы Гу Яня почти иссякли, все четыре стебля, напившись духовной силы, налились сочной, свежей зеленью.

Фиолетовая колокольчиковая трава вытянулась вершка на два. Её лиловые лепестки затрепетали — без малейшего венования ветерка, — издавая чистый, переливчатый звон: «Дзинь-дзинь-дзинь».

Так растение давало знать, что достигло пика зрелости.

Фиолетовая колокольчиковая трава растёт максимум пять столетий. Чем ближе этот рубеж, тем мощнее её целебные свойства, а в момент полной зрелости лекарственная сила удваивается. Перешагнув же пятисотлетний порог, трава даёт семена и постепенно увядает, уступая место целой поросли молодых побегов. Извлечь из дикого тайного обиталища стебель нужного возраста — задача почти невыполнимая, если только не выкопать его заранее и не выходить под собственным присмотром, щедро подпитывая древесной духовной энергией, как это сделал Гу Янь.

Когда он пересадил её с горы Заходящего Солнца, траве уже перевалило за четыре века. И вот сегодня, благодаря его неустанным трудам, она наконец достигла пятисотлетнего рубежа. Глядя на мясистые, словно выточенные из тёмно-лилового нефрита листья, Гу Янь понимал: по силе воздействия эта колокольчиковая трава не просто превосходит незрелые образцы, но и куда ценнее тех, что росли на воле.

Чем концентрированнее снадобье, тем оно дороже.

Гу Янь осторожно коснулся пальцами прохладного листа, и перед его взором уже замаячили увесистые горы духовных камней. Извлекая из пространственного кольца шкатулку из белого нефрита, он бережно срезал стебель, уложил его внутрь и, встав на меч, устремился к городку у подножия горы.

Городок Заходящего Солнца ютился неподалёку от горы Сяоцан — полсвитка благовония на мече, не дольше. Улицы кипели жизнью, повсюду снували людские потоки. Едва ступив за городскую черту, Гу Янь услышал громкие заклички торговцев:

— Ядро демонического зверя пятого ранга, Тигра Алого Пламени! Всего за шесть тысяч духовных камней! Отдаю почти даром!

— Свежая трава Молодого Месяца! Только с грядки, сочная, налитая!

— Высокосортный порошок для остановки кровотечения! Муха не садилась!

От лотков рябило в глазах, но товар попадался всякий: подлинный перемешивался с подделками. Продавцы без зазрения совести выдавали булыжники за яшму, всюю пользуясь мороком и мошенническими уловками — зеваку тут же обдирали как липку.

Гу Янь вырос в этих местах. В детстве и сам обжигался, теряя медяки, но позже, скопив денег, приобрёл и освоил иллюзорное искусство ранга Сюань. С тех пор ни один пройдоха не мог провести его вокруг пальца; более того, Гу Янь и сам нередко выуживал на местном рынке редкие вещицы за бесценок.

Впрочем, сегодня он пришёл не за покупками.

Пройдя сквозь шумную толпу, он направился к лавке, над входом которой развевался вышитый флаг торгового дома Ванбао.

Гу Янь часто брался за поручения по сбору трав и охоте на демонических зверей, а потому прекрасно знал местного управляющего. Завидев гостя, Юй Ци лёгким щелчком стукнул белой нефритовой трубкой по стойке и лениво прищурился:

— Охо-хо, какими судьбами? Каким ветром тебя к нам занесло? — Он потянулся и добавил: — Ну же, показывай, какое добро принёс на этот раз.

Юй Ци питал к нему симпатию, а потому с улыбкой завёл привычную беседу:

— Ты чего это сегодня? Отпустил Чжао Чжэньюя с этим вашим новым младшим отшельником одних шляться. На ярмарочной улице ухари тёртые: видят — лица незнакомые, зелёные, жизни не знающие. Всучили им копеечную шпильку из красного нефрита — и трёх лянов не стоит! — за целых десять духовных камней. Если не возьмёшь молодёжь в ужовые рукавицы, они вас так до нитки обоберут.

Гу Янь лишь качнул головой:

— У молодого господина Линя духовных камней куры не клюют. С какой стати мне забивать себе голову чужими заботами?

В его голосе проскользнула холодная, чуждая отстранённость.

Юй Ци удивлённо вскинул бровь:

— Это что за перемены? Раньше ты за своих младших дрожал, как за зеницу ока. Помнится, пару лет назад какой-то бродячий заклинатель выманил у Чжао Чжэньюя пятьсот духовных камней, так ты за ним по всей гряде Заходящего Солнца двое суток гонялся! В порошок стёр, бока намял, да ещё и своё с процентами вытряс. Я-то всё помню.

Гу Янь и сам помнил тот случай. Вот только тогда он от чистого сердца считал Чжао Чжэньюя родной душой. Берёг его, готов был идти на любой риск, считая, что брату помочь — святое дело.

А теперь... Теперь осталась лишь горечь да глухая усталость. Насколько же бессмысленными казались те порывы!

Возвращаться к прошлому не хотелось. Гу Янь достал нефритовый футляр и подвинул его управляющему:

— Назови цену. Во сколько оценишь?

Юй Ци бережно принял шкатулку, открыл — и ахнул:

— Вот это да! Редкостная вещь!

Юй Ци знался на травах как никто другой. Он отлично ведал: достигая пятисот лет, колокольчиковая трава осыпается семенами, давая жизнь новым побегам, оттого-то пятивековые стебли — сплошная диковина. Обычно добытчикам достаются растения лет ста, от силы четырёхсот. Но то, что принёс Гу Янь, превосходило любые ожидания: и по возрасту, и по чистоте.

Прикинув в уме, управляющий назвал сумму:

— Ванбао забирает. Назову три тысячи духовных камней среднего качества. Как тебе?

Подобная плата более чем вдвое превышала стоимость обычного четырёхсотлетнего растения — предложение было честным до предела. Юй Ци знал, что Гу Янь обладает чистейшим единичным духовным корнем дерева и мастерски выхаживает редкие виды, а потому ссудил цену с задёлом на будущее сотрудничество, почти отказавшись от навара.

— Пойдёт, — кивнул Гу Янь.

Немного подумав, он добавил:

— Отдай две тысячи средними, а остаток — десятью тысячами низших. Так мне удобнее расплачиваться по мелочам.

Обменный курс составлял один к десяти, однако из-за высокой концентрации цзи и удобства в ношении заклинатели куда охотнее держали при себе один средний камень, чем десяток мелких. Юй Ци с радостью согласился сплавить мелочь. Отсчитав требуемую сумму, он достал небольшой свёрток:

— Это тебе в честь достижения стадии Золотого Ядра. Сам понимаешь, с финансами сейчас туговато, так что ценного ничего подарить не могу... Вот, возьми защитное одеяние низшего ранга Хуан. На нём лишь простенькая формация от пыли и грязи, но носи пока. — Юй Ци со вздохом окинул взглядом его грубое холщовое платье: — Всяко получше твоих рубищ.

Гу Янь опустил глаза:

— Неужели всё так плохо?

Ему невольно вспомнилось брезгливое выражение на лице Нин Шуанфэна, когда тот явился расторгать помолвку. А ведь Гу Янь сформировал ядро раньше него! Да не простое, а Безупречное — редчайшее явление в поднебесном мире. У Нин Шуанфэна не было ни единого повода смотреть на него свысока, и всё же он морщился... лишь из-за его нищенского наряда.

Юй Ци покрутил в пальцах трубку и усмехнулся:

— В людях сперва ценят плащ, а уж после — ум. Ходишь в обносках — вот тебя за деревенщину и принимают. На вашей горе Сяоцан это ещё куда ни шло, а ты выберись в свет: там каждый первый отпрыск знатного клана ходит в развевающихся шелках, словно бессмертный, сошедший с небес. — Он затаился, выпустив облачко белёсого дыма, и с недоумением спросил: — Ты ведь не нищий, к чему так изгаляться?

Гу Янь задумался:

— И то правда.

Прежде он действительно не шиковал. Урожай с духовных полей и фруктов деревьев на Сяоцан был скромным. Львиная доля уходила мастеру, преподобному Циньяну. Остатки делили между младшими, а ведь приходилось ещё покрывать расходы на гостей, ремонт построек да жалование слугам. На руки выпадали копейки: а тут и самосовершенствование, и снадобья, и починка клинков. Кажется, абсолютно у всех мечников есть редкий дар — сводить к нулю любые богатства.

К счастью, сам он был мечником с духовным корнем дерева. И к великому счастью, в своё время не пожалел средств на «Технику Возрождения Тысячи Деревьев», чтобы ухаживать за

садом. У него во дворе росло ещё три духовных растения — каждое принесёт не одну тысячу средних камней. Теперь ему не нужно выкраивать подарки для Нин Шуанфэна, нет нужды нянчиться с Чжао Чжэньюем и Линь Чжэньчжэнем. Можно вздохнуть свободно и зажить в удовольствие.

— Подбери мне ещё две простые мантии, — попросил Гу Янь.

Одеяния с элементарными знаками защиты от грязи стоили копейки — всего по двадцать духовных камней. Юй Ци порылся в сундуках и выудил два комплекта по размеру. Ткань оказалась отменной: одна мантия — ослепительно белая, украшенная вышивкой алой сливы на снегу, другая — цвета неба после дождя, с расправившим крылья журавлём.

Юй Ци с минуту приглядывался к его лицу, а затем уверенно стукнул по стойке:

— В этом ты будешь хорош, гарантирую! — Он вошёл во вкус, начал шарить по полкам и вскоре вывалил перед Гу Янем две заколки из синевато-белого нефрита, пару резных подвесок с птицами, несколько расшитых ароматических мешочков и полдюжины белоснежных шелковых платков: — Безделушки из смертного мира. Вся охапка от силы на сотню лянов серебра тянет, отдашь один духовный камень — и по рукам.

Гу Янь не стал отказываться:

— Договорились. — И тихо поблагодарил торговца.

Юй Ци вёл с ним дела не одно десятилетие и прекрасно знал его натуру. Отмахнувшись, он рассмеялся:

— Хочешь отблагодарить — продай сотню плодов Билин, когда те созреют. Возьму по прежней цене: двести средних камней за штуку. Идёт?

Древо плодов Билин относилось к высшему рангу Сюань. Его плоды обладали удивительным свойством укреплять тело и расширять духовные каналы, а также служили незаменимым ингредиентом для пилюль укрепления истоков и основы наивысшего качества. Юй Ци давно облизывался на этот урожай, да вот беда: дерево цвело раз в три года и ещё три года плодоносило, давая не больше двух сотен плодов. А Гу Янь делил их с удручающей скупостью: восемьдесят отдавал мастеру, по сороковке — младшим брату и сестре. Из своего остатка продавал жалкую горстку — этого не хватало даже для местной лавки, не говоря уж о поставках в другие филиалы.

Юй Ци про себя вздохнул. На его взгляд, Гу Янь был хорош во всём: талант редчайший — духовное сродство с элементом дерева превышало девять из десяти! Храбрый, въедливый, работы не боится: едва достигнув стадии Концентрации Цзи, уже дерзнул вылезать на опушку Заходящего Солнца за редкими травами. Да и удача его не обделяла: спасаясь от какого-то зверя, ухватился за полусохший росток, а тот выходил — и выросло редчайшее Древо Билин!

Да и из леса он с пустыми руками никогда не возвращался.

С таким даром и везением ему прямая дорога на вершину Дао: уровень Зародившейся Души гарантирован, да и Слияние не за горами.

Но имелся у Гу Яня один изъян. Изъян смертельный.

Он был слишком добр к своей секте...

Должно быть, сиротское детство давало о себе знать: гору Сяоцан он сбоку считал родным домом, а учителя и младших — собственной семьёй. И трат на них не жалел, ставя их благо выше своего. Огромное, драгоценное дерево фактически стало собственностью секты!

Но слепая привязанность до добра не доводит. Юй Ци наглядно видал, как братья по оружию резали друг друга из-за горстки пилюль или пучка трав, и страшился, как бы Гу Янь не наступил на те же грабли. Став ближе, управляющий пытался осторожно вразумить парня, да тот лишь отмахивался, продолжая витать в облаках и отдавать лучшее другим.

Говорили, в прошлом году на Сяоцан привели нового ученика. Юй Ци уже попрощался с надеждой: с таким раскладом ему и десятка плодов не перепадёт.

Управляющий обречённо вздохнул, как вдруг Гу Янь с улыбкой произнёс:

— Договорились. Как созреют — забирай все две сотни.

Юй Ци округлил глаза:

— Ты это всерьёз? — Оторопев от столь резкой перемены, он изумлённо усмехнулся: — Смотри, за язык тебя никто не тянул! Если передумаешь — лично приду на вашу Сяоцан выбивать должок.

— Скажу, что продам — значит, продам. Без дураков.

Гу Янь вовсе не был дураком. Раньше он из кожи вон лез ради секты, потому что верил: они — его семья. Он считал их опорой и надеждой, а они держали его за простофилю и дойную корову. С какой стати ему делиться сокровищами с теми, кто втапывал его в грязь?

Опасаясь, как бы Юй Ци не заподозрил неладное из-за такой перемены, он тихо пояснил:

— Сам знаешь, в начале года я сформировал Золотое Ядро. На новом уровне нужны соответствующие артефакты... а стоят они немало.

Юй Ци понимающе кивнул:

— Кусаются цены, что правда, то правда. — Он поднёс нефритовую трубку к губам, затянулся и беззлобно пожурил парня: — Говорил я тебе: копи духовные камни! А ты всё уповал на свой чистый духовный корень, да даже от эликсиров отказывался. И ведь надо же, выехал-таки на чистой силе, сформировал ядро! Настоящее наказание, а не человек!

Гу Янь обмолвился, что хотел бы раздобыть редких материалов и заказать у мастера хорошую шпагу. Юй Ци на миг задумался и посоветовал скопить сумму побольше: в лавках Ванбао найдутся и готовые высокосортные мечи, и любые редкие руды. Как только появится нечто подходящее — он тут же пришлёт бумажную птицу с вестью, чтобы Гу Янь смог внести задаток.

Перекинувшись ещё парой фраз, Гу Янь поднялся и попрощался.

Когда он возвращался на гору Сяоцан, над землёй уже сгущались сумерки. Горный ветер принёс прохладу. Узкая тропа утопала в густой тени и тишине: кругом возвышались лишь колышущиеся кроны деревьев, и ни одна птица не нарушала глухого безмолвия.

Закинув меч за спину, Гу Янь ступил на аккуратную каменную лестницу. Прежде этой дороги не существовало. Во время тренировок он сам отбирал прочную горную породу приятного оттенка, скрупулезно вытёсывал одинаковые плиты и шаг за шагом укладывал их в ровную тропу.

Цветы и деревья по обеим сторонам — всё было посажено его руками: что-то он покупал семенами, что-то выкапывал в дальних чащах и переносил сюда. На одну лишь эту виляющую вверх каменную тропку ушло почти два года неустанного труда.

Да и разве только тропа? Каждая травинка, каждый куст на Сяоцан расцвели благодаря его заботе. То же касалось и людей: мастер, младшие братья и сестра... Даже к недавно прибывшему Линь Чжэньчжэню он отнёсся со всей душой, никому не отказывая в участии.

И тем горше, тем холодней был полученный предательский удар.

Ночной ветер коснулся его щеки, и этот холод, казалось, пропитал саму плоть и кости, выстудил кровь и заставил всё тело онеметь.

Ощувив, как пошатнулось душевное равновесие и в жилах заструилась смута — верный признак скорого искажения дао, — Гу Янь тихо вздохнул и опустился на ступени, дабы перевести дух.

Лишь когда разум прояснился, он поднялся и шаг за шагом пошёл дальше.

Чэнь Ань, прежде стоявший на коленях у главных ворот, исчез — должно быть, наконец спустился с горы.

Едва Гу Янь переступил порог собственного двора, как получил мысленное послание от учителя, преподобного Цинъяна. Тот сообщал, что завершил медитацию, и велел всем ученикам собраться у него.

Зажав в пальцах бумажного журавлика, Гу Янь почувствовал, как к горлу подкатывает ледяная тошнота.

В памяти со всей кошмарной отчётливостью всплыла фантомная боль: острый клинок, разрезающий дантянь, и ледяные пальцы, с мясом вырывающие Золотое Ядро из окровавленного нутра.

Мучительное воспоминание заставило его побледнеть и содрогнуться всем телом.

Сделав глубокий вдох, он с трудом дошёл до купальни и погрузился в горячую воду. Лишь смыв липкий пот и утишив фантомную судорогу, пробивавшую суставы, Гу Янь сменил одежду и направился к покоям преподобного Цинъяна.

Из-за задержки он пришёл последним. За исключением младшей сестры Ци Жунжун, ушедшей на поиски духовного опыта, все были в сборе: и Чжао Чжэньюй, и Линь Чжэньчжэнь.

К его изумлению, здесь же обретался и Чэнь Ань, которому следовало давно покинуть обитель.

Гу Янь мысленно хмыкнул. Не нужно быть прорицателем, чтобы догадаться, чьих рук это дело.

Похоже, Линь Чжэньчжэнь возомнил себя новым хозяином горы Сяоцан.

Что ж, тем лучше. Гу Янь с радостью уступит ему это сомнительное удовольствие.

<http://bllate.org/book/19602/1934174>